

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАНЗИТОЛОГИЯ О ПЕРЕХОДЕ РОССИИ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Томский государственный педагогический университет

Анализ перехода России к рыночной экономике до сих пор является актуальным как для российских ученых, так и для зарубежных исследователей. Для современной российской экономической теории характерно отсутствие единства в оценке итогов перехода. Остается спорной тема о модели формирования экономической политики. Какая модель более органична для нашего общества и государства – либеральная или дирижистская?

Поэтому неудивительно, что среди экономистов и политологов США существуют различные оценки состояния экономики России – от резко негативных до умеренных, или попыток наиболее объективно подойти к анализу перехода и его итогов. Вызывает интерес, что многие из этих авторов «солидарны» с оценкой реформирования российской экономики, которая была дана многими отечественными экономистами и политологами.

Обратимся к некоторым работам американских экономистов и политологов (с 2001 по 2004 г.), чтобы проанализировать влияние событий в реформировании экономики нашей страны на их точку зрения.

Профессор экономики Колумбийского университета Р. Эриксон, анализируя данные ЕБРР за 1999 г., подверг сомнению предположения о «переходе» как соответствующей характеристике бурных процессов, происходящих в России. Он отмечает, что за восемь лет (1991–1999 гг.) Россия не стала ближе к завершению ее перехода к современной рыночной системе. Даже «успехи» 1997 г. были скорее виртуальными, чем реальными. Данные 1999 г. говорят о существенном регрессе в России, так же как в Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Белоруссии [1, с. 252]. Российские преобразования, по его мнению, несмотря на разрушенные основы советской экономики, не являются переходом к рынку. Скорее всего, они привели к феодально-подобной системе, которую он назвал «индустриальным феодализмом». Эриксон проводит аналогии основ этой системы, которые лежат в структурном параллелизме с социально-экономической и политической системой, преобладающей в Западной Европе в начале второго тысячелетия нашей эры [2, с. 253]. В экономической сфере он выделяет следующие ключевые особенности «феодальной экономической системы»:

– власть, основанная на унаследованных и традиционных образцах координации и контроля;

– рынки факторов, являющиеся выродившимися или отсутствующими;

– неточно указанные, разбросанные и традиционно ограниченные права собственности с многократными случаями спорного имущества;

– господство неэкономических способов приобретения богатства в значительной степени через передачу или конфискацию.

Следуя за ходом мысли Эриксона, можно выделить особенности «трансформационной» России: 1) сплав экономических и политических агентов; 2) распад государства; 3) фрагментарная структура рынка; 4) нежизнеспособность рынка многих экономических и индустриальных структур.

Таким образом, «виртуальная экономика», с нереальным ценообразованием, осуществляемым через использование бартера, квазиденег и ухода от налогов, создает ценностную среду, политически защищенную в местных масштабах «независимых экономических систем». Все это обеспечивает индустриальную экономическую основу для феодальной структуры власти и взаимодействия.

Эриксон отмечает, что можно провести множество наводящих на размышления параллелей между современной российской и средневековой европейской системами. В России он видит множество суверенитетов среди многих децентрализованных иерархических структур, осуществляющих политическую, экономическую и юридическую власть над их собственными областями. «Поместья» и «княжества» постсоветской экономики являются самоподдерживающимися и социально-политическими производственными единицами. Среди них большие промышленные предприятия, сельскохозяйственное и строительное производство (или «приватизированные», или нет), новые финансово-промышленные группы, политически связанные коммерческие структуры (олигархи, мафия), региональные и местные органы власти [1, с. 254–256].

Конечно, если отвлечься от довольно жесткой терминологии Эриксона, то его характеристика экономики начала реформ соответствует действительности.

Теперь обратимся к работе Дж. Хеллмана, профессора политических наук Гарвардского универ-

ситета и ведущего специалиста Колумбийского университета, который в своей статье, характеризуя переход России к рыночной экономике, называет этот процесс постоянным перераспределением. Особое внимание он уделяет проблеме недостатка в институтах, поддерживающих эффективное функционирование рынка. Большинство институтов в ходе реформ оказались неспособными поддержать реформаторов в осуществлении либерализации и массовой приватизации (как предполагалось). Это привело к рынку без закона – «Ахиллесова пята российского перехода» [2, с. 93]. Он размышляет о том, что вряд ли реформаторы могли проигнорировать в их стремлении к либерализации и приватизации важность институтов. На наш взгляд, действительно, быстрая либерализация и массовая приватизация были двумя стратегиями, создающими критическую массу рынка, которые должны были не только защитить реформы, но и требовать их дальнейшего продвижения, создавая и улучшая институты, необходимые для поддержания рыночной реформы. У радикальных реформаторов не было в планах насаждения сверху этих институтов, основываясь на западном опыте. Они предполагали, что с утверждением собственности и прав на нее, с возникновением рынка появятся и институты рынка.

Обращаясь к прошедшему десятилетию (статья написана в 2002 г.), Хеллман интересуется неудачей в развитии эффективных институтов, включая настоящее время. Он выдвигает несколько проблем, которые могут быть связаны с пониманием эволюции эффективных институтов и ее неудачи.

Во-первых, реформаторы предполагали, что новые держатели спорного имущества в процессе реформы потребуют институты, чтобы обеспечить классические поддерживающие рынок основания – стабильность, правовые нормы, инфраструктуру, приносящие пользу всему обществу. Но на первый план выдвинулись институты, которые ставили барьеры для вхождения в рынок, лишаящие уверенность индивидуальной защиты прав собственности, сохраняющие выгодное искривление цен и ограничивающие государство в сборе налогов.

Во-вторых, если бы управленческая структура предприятий и расцветающие олигархи были бы достаточно мощными, чтобы исказить начальное распределение прав собственности в сторону их преимуществ, то они были бы и достаточно мощными, чтобы исказить дальнейшее развитие поддерживающих рынок институтов. Действительно, приватизация только усиливала положение управленческой структуры предприятий и новых олигархов, превращая их, пока еще слабое, политическое влияние в экономическую власть. Получив собственность и сопутствующее ей богатство, сосредоточив

доходы в своих руках, они не были заинтересованы в поддержании таких институтов, как ликвидные вторичные рынки акций, как гарантирование прав миноритарных акционеров, которые могли бы стать угрозой ослабления их власти и контроля в будущем. Превращая недавно приобретенное богатство в еще большее политическое влияние, особенно в отсутствии любых других хорошо организованных коллективных интересов, управленческая структура предприятий и олигархи имели все основания для формирования новых институтов в своих интересах.

В-третьих, предполагалось, что, как только будут перераспределены права собственности, новые владельцы будут иметь сильные стимулы в поисках устойчивой среды и институтов поддержки, необходимых для защиты их недавно приобретенных прав.

Хеллман делает, на наш взгляд, заслуживающий внимания вывод о том, что, в отличие от теории перехода, которая основывается на постепенном развитии поддерживающих рынок институтов, российский переход является альтернативным, представляющим собой теорию «постоянного перераспределения», по аналогии с названием известной теории Л.Д. Троцкого «постоянной (перманентной) революции».

С теми выводами, которые делает Хеллман, нельзя не согласиться. Особенно это касается «постоянного перераспределения» и его результатов. Постоянное перераспределение в России не было, в значительной степени, управляемо рынком. Новая собственность могла быть приобретена не на ликвидном и конкурентном рынке акций, а через нерыночные средства – политическое вмешательство, манипуляции в судебной системе, в результате которых собственность приобреталась по ценам ниже рыночных. В условиях постоянного перераспределения правовые нормы не востребованы. Самые мощные акторы, стремящиеся приобрести собственность в новой рыночной экономике, были заинтересованы в ограничении любых юридических норм. Те, кто извлекает выгоду из постоянного перераспределения, стремятся купить защиту своей собственности путем оплаты (взятки) отдельным государственным чиновникам, тем самым ослабляя безопасность прав собственности всех остальных. В слабом государстве отдельные общественные чиновники имеют власть, исполняющую функцию контроля, в то время как государство не имеет возможности эффективно проводить в жизнь законы. Это делает возможным мощным фирмам произвести «захват» государства. Почти четверть всех российских фирм, вкладывающих капитал в другие страны переходного периода, «захватывали» государство в формировании своих инвестици-

онных проектов [2, с. 104]. Российские фирмы стали более агрессивными в расширении своих авуаров в других странах переходного периода, когда государство при президенте В. Путине стало играть более сильную роль. Социальные затраты постоянного перераспределения за прошлые десять лет известны. Хотя в России вновь отмечен рост, большая часть экономических потерь может быть приписана демонтажу активов, воровству, оттоку капиталов, уменьшению инвестиций, барьеров к входу в рынок, ухудшению физического и человеческого капитала.

Коллективная работа «Россия в 2003 году», в которой дана характеристика и подводятся итоги экономического развития России за 2003 г., представлена именами ведущих американских ученых в области экономики и политики [3]. В начале обзора дается политическая обстановка после выборов в Государственную думу в 2003 г. Авторы отмечают, что доминирующей идеологией России стала «тоска по великой державе». Все четыре силы – «Единая Россия», Коммунистическая партия, Либерально-демократическая партия и «Родина», выражали ставшие популярными тенденции – антилиберализм, антиолигархизм, антидемократизм и антизападничество [3, с. 1]. Авторы маркируют победившие политические силы как «силовиков» и «чекистов». Появление этих двух групп не явилось неожиданным. Уже в 2002 г. 25 % элиты были из вооруженных сил и безопасности (при Ельцине их было 11 %). Многие из них обязаны прямо или косвенно В. Путину. По мнению авторов, «силовики» представляют собой свободную бюрократическую фракцию, сосредоточенную на выработке тактики назначения персонала и на использовании тех инструментов, которые позволят им получить долю в национальном экономическом пироге. «Они обижены тем, что олигархи оказали поддержку Ельцину и Чубайсу, и хотели бы через политические и юридические механизмы взять в конечном счете у ненавистных олигархов часть их активов и отвести им второстепенную роль» [3, с. 4].

Таким образом, «силовики» играют значительную роль в бюрократической политике и обладают влиянием. Путин, по мнению авторов, играет роль тайного лидера «силовиков», так как в глазах общественности он является беспристрастным гарантом стабильности и национальных интересов. Он не может быть открытым, как американский президент. При усиливающейся государственной власти

правительство Путина начало наступление на «эмбриональный» федерализм, сформировавшийся при Ельцине, результатом которого стала реструктуризация Совета Федерации, назначение представителей президента, которое означало усиливающийся контроль центра над областями, аннулирование соглашения относительно распределения доходов от налогов между центром и областями. Все эти действия ограничивали возможности для разнообразия и экспериментирования в экономической и социальной политике на местном уровне. Такие меры, подчеркивают авторы, чинили препятствия продвижению реформы и демократизации России и усиливали принудительные и авторитарные импульсы в рамках политической элиты.

На фоне такой политической обстановки дается довольно оптимистическая оценка экономического развития – отмечены темпы роста ВВП до 7.3 %, излишки бюджета составили 3 % валового внутреннего продукта (результат сильной налоговой политики), цены на нефть остаются высокими, растут объемы ее экспорта, рубль оценен в его реальном исчислении, заработная плата вернулась к предкризисному уровню. При относительной стабильности, конечно, существуют проблемы экономического развития России – низкий уровень инвестиций, отток капитала из страны, зависимость роста ВВП от экспорта ресурсов, убыточность большого числа предприятий, разрыв в экономическом развитии регионов, различие уровней жизни в областях и центре (уровень доходов, цены на жилье, заработная плата, цены на продукты, продолжительность жизни). Авторы обзора делают вывод, что такой разрыв экономического развития политическая проблема российского федерализма. По сравнению с 1998 г. Россия имеет твердую финансовую и экономическую стабильность. Большинство населения уверено, что поддержка Путиным экономических реформ после президентских выборов увеличится (статья написана в начале 2004 г.). С сильным парламентским большинством президент только увеличит поддержку экономическим реформам во второй срок.

Несмотря на довольно резкую критику и оценку американскими исследователями экономического развития России на пути реформ, у нас нет оснований для сомнений в их объективности и желании понять сущность негативных и положительных последствий в построении экономически развитого государства.

Поступила в редакцию 13.12.2006

Литература

1. Ericson R.E. Is Russia in transition to market economy? // Contemporary Russian Politics / Ed. by A. Brawn. Oxford, 2001.
2. Hellman J. Russia's transition to a market economy: A permanent redistribution? // A. Kuchins. Russia after the Fall. Washington, 2002.
3. Reddaway P. and all. Russia in the year 2003 // Post-Soviet Affairs. 2004. V. 20. № 1.